

Данная книга содержит сцены, которые могут стать для вас триггерными. Пожалуйста, ознакомьтесь с ними перед чтением.

- Детализированное описание проявлений обсессивно-компульсивного расстройства (ОКР), включая навязчивые мысли и компульсивные ритуалы.
- Психологические манипуляции.
- Принуждение к сексуальным актам, шантаж, распространение интимных материалов без согласия (НЕ между главными героями).
- Принудительный прием препаратов, приведший к тяжелым последствиям для здоровья (НЕ между главными героями).
- Сексуальное насилие над несовершеннолетними (упоминание).
- Групповое избиение.

Пролог

Эван

— А ты и впрямь стал нехреново трахаться.

Способна ли одна фраза швырнуть от нежности к ненависти? Способна. Если ее говорит Ариэль Бейкер. Одергиваю руку и, встав у подножия кровати, распиливаю взглядом растекшееся на кровати тело, блестящее от пота и смазки.

Рио переворачивается, лениво потягивается, задевая пятками мои колени. Появляется желание придушить ее подушкой, чтобы не видеть этих бесстрастных сытых глаз.

— Мне пора. — Она подпрыгивает с постели чересчур энергично, будто не ее я только что трахал до мятых простыней и сорванной глотки, и идет к стеклянному шкафу, игнорируя лежащее на полу разорванное платье.

Спокойно надевает мои брюки, мою рубашку и, завязав ее концы в слабый узел на животе, всовывает ноги в свои туфли. Одета и закрытая. На семьдесят печатей. А я стою все такой же голый и думаю, что она не приняла душ, и сперма будет вытекать из нее еще очень долго. Моя сперма. В мои брюки.

Пачка презервативов, о которых никто из нас не вспомнил, насмешкой лежит на тумбе.

— Было круто, Лейквуд.

И этот непринужденный тон сбивает последнюю настройку. Нравится быть шлюхой? Не вопрос.

— Убирайся.

Хотя и с шлюхами я так себя никогда не веду. Но Бейкер же особенная в моей жизни.

Лиля Аструм

— Надеюсь, ты понимаешь, что это должно остаться между нами? — не реагируя на мою грубость, Рио деловито приподнимает бровь, выбешивая меня еще на пару градусов.

— Жди бегущую строку в завтрашних новостях.

А ведь я и впрямь мог такое проверить.

Ариэль не двигается. Разъедает меня своими колдовскими глазами, будто именно я заманил ее сюда и растлил, как малолетнюю девственницу.

Анализировать нет сил. Я чертовски устал. А еще внезапно понял, что все это время хранил книгу открытой, хотя после эпилога там ничего нет. Только точка. Окончательная, жирная и очень-очень черная. Беспросветная. Внутри плещутся разочарование, злость и неопознанные остаточные эмоции, которые больше не нужно подавлять. Они сами сдохнут.

А Бейкер... мне ее даже видеть тошно.

— Об этом никто не узнает. Обещаю. А теперь уйди.

И уходит. Бесшумно. Словно издевательски.

Обессиленно сажусь на кровать и запускаю пальцы в волосы. В висках стучит, а в комнате господствует спертый запах секса. Яблок и... проклятого дождя. Не хочу проветривать, хочу надышаться до полной отключки. Но у вселенной другие планы. Точнее, у моего настойчиво вибрирующего телефона. Дотягиваюсь до тумбы, хмуро смотрю на дисплей и даже не удивляюсь, что этот день еще способен подкинуть дерьма. В такой час от дока хороших новостей ждать не стоит.

— Доброй ночи, доктор Ришар.

— Простите за беспокойство, мистер Мур. Дело в том, что я только что добрался до ваших анализов... Эван, — он переходит на неформальное общение, вынуждая напрячься. — Мне очень жаль, у тебя обнаружен ВИЧ.

Глава 1

Настоящее время. Нью-Йорк

Эван

— Не понимаю причину спешки, мистер Мур. Ваш вопрос не мог подождать до утра понедельника?

Игнорируя запах нафталина, забивший ноздри, разглядываю через окно игровую площадку, напоминающую антураж к фильму ужасов: ободранные качели, покосившиеся горки и выцветшие игрушки, разбросанные июньским ветром вокруг облезлой песочницы. Да уж, материал получится говорящим. От картинки так и веет щедростью и заботой о детях-сиротах.

— Поверьте, директор Андерсон, последнее место, где я хотел бы находиться в пятницу вечером, — это рядом с вами, — бесстрастно отвечаю я, сдерживая полыхнувшую вспышку агрессии. Старуха очень неумно решила пожить-ся, поставив под угрозу благотворительную кампанию, над которой я работал целый месяц.

— Мистер...

— Я очень не люблю, когда мне создают проблемы. А еще больше я не люблю, когда это делают дилетанты. Нахожу это оскорбительным. — Разворачиваюсь и, сцепив руки за спиной, в упор смотрю на немолодую женщину с туго собранными в пучок волосами и непомерно большими очками. — Наши финансисты нашли в отчетах расхождение в пятьдесят тысяч долларов. Но можно было и не искать. Достаточно взглянуть сюда, — коротко машу в сторону окна.

— Не может быть! — театрально ахнув, женщина направляется к столу и принимается быстро перебирать бумаги. На-

ходит нужный документ и нервно тычет в него пальцем. — Вот же, мистер Мур, все сходится!

Но я не смотрю на липовые столбцы. Я смотрю на ее лицо с плохо нанесенным макияжем: набрякшие веки, темные круги под глазами и морщины с шелухой из-за дешевого тонального крема.

— Я ознакомился с ними еще вчера. Отмывать деньги вы не умеете. А если не умеете, то и не нужно начинать. Я слишком ценю свое время, чтобы из-за вашей глупости сворачивать идеальную схему. Через неделю я хочу видеть новую игровую площадку. Если мы найдем расхождение хотя бы в цент, у кадрового агентства появится новая вакансия. Думаю, не стоит уточнять, какая именно. Сразу же после проведения кампании финансирование вашего учреждения будет поставлено под вопрос. Это понятно?

— А... да. Простите, пожалуйста, я все сделаю. Обещаю!

— В следующем месяце мы проведем съемки для рекламных баннеров. Ваша задача — подобрать пятерых харизматичных детей и привести их в презентабельный вид. Одежду для них привезут. Доброй ночи.

Не даю старухе и рта раскрыть. Покидаю душный кабинет и иду по тускло освещенному коридору, преследуя лишь одну мысль: карту надо менять. Спонсорство детского дома будет сохранено в любом случае, но недобросовестные личности, способные так открыто марать репутацию корпорации Miller Health Corp., автоматически попадают в черный список. И это всегда билет в один конец. Как в ад.

— Девчонка, девчонка, девчонка! — слышится из-за поворота, разлетаясь эхом по всему этажу.

Свернув за угол, сбавляю шаг.

— Девчонка, девчонка, девчонка! — окружив светлого кудрявого мальчишку, трое пацанов тычут в него пальцами и смеются.

— Отвалите!

Иллюзия падения

Тот злится, кидается на них и пытается ударить. Но парни заметно старше, и все попытки блондина оказываются тщетными. Хотя нет. Он изворачивается, кусает за руку одного из задир, за что тут же получает сильный толчок в спину. Мальчишка падает, прикладывается подбородком об пол и громко стонет, когда чужой ботинок врезается ему в живот.

— Тварь! Совсем оборзел! — орет нападавший под радостное улюлюканье остальных.

— Развлекаетесь? — ровно интересуюсь я.

Парнишки оборачиваются. Оценивают мой внешний вид и долго взвешивают, стоит ли дерзить в ответ. Приходят к правильному выводу и бормочут невнятные объяснения.

— Разве после отбоя вы не должны находиться в своих кроватях? — лениво уточняю я.

— Мы как раз шли в свою комнату, — расправив плечи, отвечает самый высокий, вероятно, решив не пасовать и показать, кто здесь лидер. — А тут этот... помощи попросил.

— Волонтеры из вас на двоечку, — наигранно вздыхаю я и получаю три злобных взгляда, которые, наверное, должны меня испелить. Но, разумеется, ничего из их стараний не выходит. Вырубаю насмешку и сухо чеканю: — Не держиваю.

Парни недовольно косятся на мелкого и нехотя удаляются, не забыв кинуть напоследок пафосное: «Мы еще не закончили с тобой, девчонка».

Мальчишка, кряхтя, поднимается на ноги, сверлит спины обидчиков и яро оттирает с подбородка кровь. Видимо, язык прикусил. Подхожу ближе к пострадавшему, сажусь перед ним на корточки и протягиваю платок.

— Я Эван.

Мелкий неодобрительно рассматривает меня, потом — платок. Думает. Все же принимает спасительный предмет, измазывает его соплями и протягивает обратно мне.

— Оставь себе. Больно?

— Нет. Я их убью!

— Нельзя убивать людей.

— Они называют меня девчонкой!

— Ты не похож на девчонку.

— Тогда почему они так говорят? — бесится мальчишка.

— Потому что завидуют.

— Чему? — теряется, сунит брови, а светлые кудри забавно лезут ему в глаза.

— Ты не такой, как они. Выделяешься. Особенных тут не любят.

— Мама тоже говорила, что я особенный, — кудряшка горько шмыгает носом.

— Где она?

— Умерла.

— Моя тоже.

В глазах мальчишки зажигается скромный огонек надежды.

— Ты тоже здесь жил?

— Нет. Будешь жвачку? — хлопаю себя по карманам. Из сладкого у меня ничего нет, но этого ребенка я категорически не хочу оставлять без утешающего презента.

— Мама говорила, что нельзя ничего брать у незнакомцев.

— Твоя мама была умной. Но ведь у каждого правила есть исключение, — подмигиваю и даю мальчишке жевательную пластинку.

Он торопливо снимает упаковку и засовывает жвачку в рот. Смешно корчит рожицу.

— Кислая.

— Яблочная. — Выпрямляюсь и, глядя на светлую макушку, испытываю чувство жалости. Этому ребенку будет здесь весьма непросто. — Иди в кровать.

— Мама всегда читала мне сказку перед сном, — запрокинув голову, бодро заявляет блондинчик.

— Здесь таких услуг не оказывают.

Иллюзия падения

— Прочти ты.

Вот это разгон. Ухмыляюсь его наглости и дразняще треплю пацана по голове. Он уклоняется, сверлит меня недобрým взглядом из-под сведенных в одну линию светлых бровей.

— Прости, мелкий, у меня другие планы.

— Какие?

Вспоминаю, какие именно, и широко улыбаюсь.

— До которых ты еще не дорос.

— Я не маленький!

— Сколько тебе? Три?

Специально говорю меньше. Он так очаровательно злится.

— Мне пять! — мальчишка возмущенно пыхтит и сжимает крохотные кулачки.

— Ладно, верю. А теперь спать.

— Я не хочу спать!

— Хорошо, стой здесь.

Разворачиваюсь и иду к выходу. Я и так прилично задержался в месте, посещение которого я избегаю всеми возможными способами. Холодные, пронизанные отчаянием коридоры, шумная столовая с невкусной едой и туалеты, отдающие хлоркой и мочой, вгоняют меня в депрессию. Но дело не только в удручающей атмосфере. Я не могу оставаться спокойным, когда вижу жадных до ласки и внимания детей. Меня начинает эмоционально катать от гнева до непонятной скорби. В такие моменты мне особенно хреново, и это «хреново» я привык изгонять максимально быстро, чтобы не успело осесть.

У самых дверей слышу топот ног, а в следующую секунду проворные пальчики хватаются за край моего пиджака и тянут назад. Уступаю детской силе и оборачиваюсь. У кудряшки голубые глаза, забавные ямочки и подозрительно ангельский настрой.

— Меня зовут Эштон. Эштон Томфорд.

Двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь. Не успеваю считать. Белые числа на панели управления, интегрированной в деревянную отделку лифта, сменяются чересчур быстро. Веду взглядом вдоль позолоченных реек, тянущихся по периметру кабины, и, в подробностях рассмотрев мигающий светильник, бесшумно выдыхаю скопившийся воздух. Нет, клаустрофобией я не страдаю. Но с этим широкоплечим надзирателем, проедающим мой профиль беспристрастным взглядом, еще после пятого этажа стало невыносимо душно.

Интересно, таким громилам, как он, кислорода требуется в два раза больше? Исходя из его словарного запаса в четыре слова: «Добрый вечер, мистер Мур», я склонен полагать, что он получает вдвое меньше. Мозг недостаточно насыщается, а, следовательно, исключает из рабочего процесса самые важные отсеки, отвечающие за речь, эмоции, юмор. В прямые обязанности каменного изваяния входит встреча и сопровождение клиента. Собственно, так и происходит, но его молчаливый грозный вид нагоняет мысли о том, что я еду не на порно-вечеринку, а на допрос с китайскими пытками водой.

Кидаю взгляд на часы. Гипнотизируя взглядом стрелку, дожидаясь последнего смещения и, вскинув голову, даю еще один шанс серьезному парню:

— Полночь, Джереми. Что насчет желания?

Мужчина ожидаемо молчит. Закатываю глаза и, поправив манжет рубашки, радуюсь новому числу, высветившемуся на панели. Восемьдесят пять. Осталось немного.

Желания. Я не верю в это дерьмо. Я вообще из тех людей, которые не признают падающих звезд, светлых лун, шаманство, таро и прочую ерунду. Я склонен придерживаться мнения: если человек совершает действия, они рано или

Иллюзия падения

поздно приведут его к результату. Исходя из этого охренительно умного вывода, всему, что у меня есть, я обязан исключительно себе.

А если загадать без веры, сбудется? Мощно погружаюсь в осмысление этого вопроса и несколько секунд блуждаю в поиске желаемого. Фиаско. У меня нет желаний. Точнее, они есть, но все они материальные и доступные. Хочется получить невозможное.

На ум приходит только одно. Совсем некстати врывается в сознание болезненным воспоминанием. Захватывает пространство, вытесняя из головы все остальное.

Крепко стискиваю зубы. Слишком усердствую, потому что последствие моей несдержанности разносится по всей кабине скрипучим хрустом. Ловлю недоуменный взгляд моего сопровождающего и широко улыбаюсь, зная, что приветливая мимика на моем лице всего за пару секунд растворит все вопросы в мозговом механизме охранника.

Сейчас он думает, что я либо дурачок, либо доброжелательный человек. Я — ни то и ни другое. Все эти реакции тела можно подстроить и сыграть во избежание ненужных косых взглядов и бестактных догадок.

Легкий щелчок оповещает об остановке на сто тринадцатом этаже, и я выхожу вслед за «немым» в темный холл, где тут же оседаю взглядом на миниатюрной девушке. Она явно ждет нас, и, разглядывая ее убийственно высокие шпильки, я склонен полагать, что это ожидание выдалось мучительно томительным.

Верхняя часть женского лица закрыта черной маской, что вынуждает меня перевести все свое внимание на ее пухлые губы, накрашенные помадой оттенка вишни.

— Добрый вечер. Прошу вас поднять руки на уровень груди. В целях безопасности мы вынуждены изъять ваш сотовый телефон, а также другие возможные средства связи. По окончании вечера вы сможете их забрать.

Вполуха слушаю монотонный, заученный до дыр текст, концентрируюсь на шарящих по моим карманам конечностях, которые отчего-то слишком рано замирают.

— Мистер Мур... хм, у вас тут жвачка, — недоумевающе бормочет охранник и демонстрирует мне бесформенное липкое зеленое пятно на подоле пиджака. Губы сами собой расплываются в улыбке. Мелкий бесстрашный засранец. Надо будет сказать старухе, чтобы взяла его на баннер. У паршивца чересчур много энергии, так пусть расходует ее на благие цели.

Отдаю девушке испорченный пиджак и забираю у нее из рук прямоугольное плато, на атласной черной ткани которого лежит скульптурно вылепленная маска.

— Кем я буду сегодня? — с любопытством рассматриваю лежащие передо мной грубые черты неизвестного мужчины, посыпанные золотистой крошкой.

— Богом Дионисом!

Скептически выгибаю бровь.

— Как интересно. И кто это?

— Сын Зевса и смертной женщины Семелы.

— То есть полубогом, — вношу я маленькое, но довольно весомое уточнение. За шестьдесят кусков, которые я ежегодно плачу за членство в их элитном клубе, я рассчитывал на отца Зевса или, как минимум, на самого Зевса.

На секунду впад в ступор, девушка пускается в объяснение.

— Семела не смогла вынести истинного величия Зевса и умерла в огне. Зевс спас младенца, зашив себе его в бедро, а когда пришло время, он распустил швы, и появились вы. Ой, то есть он.

— Как увлекательно, — тяну я, наслаждаясь чужим смущением. — Полубог, выношенный ногой папаши-убийцы.

Позади меня раздается смешок грозного парня. Он понимает юмор? Так и знал, что не все потеряно.

— Вам не нравится? — в женском голосе появляются панические нотки. Надо прекращать терроризировать девчонку, пока от стресса она не грохнулась в обморок.

Иллюзия падения

— Из всех богов всегда мечтал быть именно им!

Девушка выпускает еле слышный вздох облегчения, помогает надеть маску и провожает меня в главный зал трехэтажного пентхауса, который сегодня выглядит, как чертов древнегреческий сад: сотни зажженных свечей, вьющиеся по стенам виноградные лозы и искусственно возведенные колонны, драпированные золотой органзой.

Присаживаюсь за самый дальний от центра столик, украшенный оливковыми ветвями, и, чтобы скрасить ожидание до начала шоу, сразу заказываю целую бутылку шампанского, игнорируя маячивший передо мной кувшин с вином.

Настроение обычное, даже слегка скучающее. Ни предвкушения, ни волнения. Тотальное спокойствие, разбавленное лишь назойливо всплывающими в голове цифрами из отчета.

Стараясь отвлечься от работы, преследующей меня словно бессмертный сталкер, медленно катаюсь взглядом по знатной публике. Ментально лезу под их роскошные обертки, пытаюсь нащупать знакомые лица. Торможу на мужской фигуре и, пристально взглядевшись в маску, сразу же узнаю в ней Зевса. Ну конечно, кому, как не отпрыску сенатора, могла достаться роль самого главного.

Одна из особенностей моей профессии — устанавливать выгодные связи. Некие «проекты симпатий», каждый из которых в конечном итоге должен принести пользу лично для босса или корпорации в целом. Общение с Кристофером Харрисоном изначально планировалось именно как такой проект. Но оно не ограничилось деловым. У нас обнаружилось много точек соприкосновения, а спасение его жизни заложило плодородную почву для нашей дружбы.

В один из вечеров Харрисон наглотался непонятного дерьма. Я по чистой случайности проезжал мимо и нашел его, дергающегося в припадке у входной двери. Я пихал ему в глотку пальцы и изо всех сил боролся с собственным при-

ступом тошноты. Честно говоря, я был готов записать свои пальцы куда угодно, только чтобы этот придурок, нарядившийся сегодня в дурацкое тематическое платье, не откинулся прямо на моих глазах.

Салютую радостному Крису бокалом и, чтобы лишний раз не подбивать его на совместные оргии, устанавливаю зрительный контакт с первой попавшейся «богиней» за соседним столиком.

Незнакомка быстро включается в игру: рукой ласкает открытую зону декольте, манерно накручивает на палец и тут же распускает прядь светлых волос, не забывая томно покусывать нижнюю губу. Отводит руки за спину, совершает невидимые мне манипуляции, и уже в следующее мгновение верх ее платья с грацией опадает вниз, являя моему взору лиф из прозрачной сетки, под которым призывно торчит двоечка с темно-коричневыми сосками.

Никого это не шокирует и не возмущает. Даже если бы я подошел и облизал ее красивые сиськи, все бы только обрадовались. В этом пентхаусе обнаженная грудь всегда к месту, но не цепляет глаз. Как зеленое яблоко в корзине зеленых яблок.

А я пришел за красным.

Незнакомка занимает расслабленную позу, всем видом демонстрируя, что шаг сделан и теперь ход за мной. Где-то на периферии Харрисон показывает мне большой палец. Не удивляюсь, если он, наплевав на все правила, подскочит и проорет на весь зал мое имя. Или, еще лучше, подойдет и ответит мне подзатыльник за то, что откровенно туплю в отношении смелой флиртуньи.

Но, на мое счастье, откуда-то издалека слышится музыка. Она нарастает, нарастает, нарастает и вливается в зал незнакомым античным напевом, обработанным на современный лад. Сквозь драматические ноты прорываются интимные редкие вздохи, не дающие забыть, что мы находимся сейчас совсем не на Олимпе.

Иллюзия падения

Все шепотки тонут в необычной композиции, а глаза устремляются вглубь зала, откуда из крошечной темноты одна за другой появляются шесть дев. В греческих туниках с глубокими вырезами в самых нужных местах они бесшумно движутся вперед и, дойдя до незримой точки в самом центре, замирают. Будто врастают босыми ступнями в пол. У каждой из них верхняя часть лица скрыта полоской золотистой ткани, создающей иллюзию завязанных глаз. Полного ослепления.

Рабыни. Одноразовые рабыни фальшивых богов, готовых платить бабки за возможность вытянуть из их покладистости свой максимум удовольствия. Достичь предела.

Девушки начинают свой танец. Сначала легкий, ненавязчивый, призванный рассказать нам о традициях греческой культуры. По их плавным движениям невозможно понять, что через какие-то считанные минуты каждая из них будет срывать голос в спальных наверху. Но это наваждение очень быстро исчезает, когда танцовщицы начинают скидывать платья, демонстрируя совершенство своих точеных тел.

Мое внимание привлекают две девушки, извивающиеся змеями возле колоны в противоположном углу зала. На них все еще много одежды, и на меня нападает странный азарт увидеть скрытое первым.

Не успеваю закрепить эту мысль, как начинает играть совершенно другой мотив, и из черноты появляется седьмая. Остальные шесть тут же меркнут, как бездарный разогрев главного акта. Изящные ступни, умопомрачительно длинные ноги, гибкое загорелое тело, мерцающее в отблесках свечей, и аккуратная грудь под струящимся шелком. Маска на ее лице мне незнакома, но я решаю выбрать богиню любви — Афродиту. Корона из золотых листьев добавляет ей величия, а рыжие волосы...

Ненавистный цвет моментально высасывает весь кислород из легких. Недолгая асфиксия увеличивает пульс до беспечных ритмов. Не хочу смотреть. Но смотрю. Ищу сходства.

И самое поганое — нахожу. Неявные. У моих воспоминаний не было завораживающей утонченности движений.

Но было другое.

Бешеная энергия. Заставляющая хотеть.

Была уверенность, сносящая любую самооценку. И непредсказуемость.

Я жажду распознать глаза этой царицы и невольно подаюсь вперед, запоздало осознавая, что при таком освещении не увижу ровным счетом ничего.

Чертова амазонка начинает свой танец. Все внимание гостей приковано к ней. У Криса чуть слюна не течет, а справа от меня незнакомый «божок», запустив руку в штаны, неспешно надрачивает свой мелкий член. Не анализирую других жаждущих, потому что ответ без подсказки бешено прыгает на кончике языка: спрос на незнакомку достигнет запредельных масштабов.

Во рту становится сухо, делаю глоток шампанского и случайно замечаю мелкую ворсинку, застрявшую в линии сгиба большого пальца.

Желание убежать в уборную не маниакальное, терпимое. Пара вдохов под мысленный счет и небольшая работа над собой должны предотвратить бедствие, которое не повторялось уже целый год.

«Сидеть, Эван Мур! — мысленно приказываю самому себе. — Только попробуй сдвинуться хоть на дюйм, сука!»

И я слушаюсь. По-солдатски замираю и аккуратно, не делая резких телодвижений, поддеваю ворсинку ногтем и скидываю ее на пол. Становится в разы легче, но мысль посетить любое место с раковиной не оставляет больную голову. Залпом допиваю остатки алкоголя в бокале и, чересчур резко вернув хрусталь на стол, поднимаюсь с места. Несколько секунд смотрю на все еще одетую сучку, медленно расплзающуюся в поперечном шпагате, и испытываю странные противоречивые эмоции.

Она далеко не первая рыжая. Но первая настолько похожая.